

и искусство

СЛОВО во славу искусству? Но удобно ли это делать актеру? Мы ведь, актеры, люди «изнутри искусства». Наш труд — воловий, устаем так, что порой сами себя ощутить не в состоянии... Непрерывность, абсолютная непрерывность рабочего дня. Где-то в этой непрерывности выхватил минуты, что-то пожевал (спросите меня что, не отвечу, не помню) — и вновь надо работать. И никому и в голову не должно прийти, что я устал.

Самое забавное — не могу жить иначе, не представляю себя в ином режиме. В отпуск еду — большие недели не выдерживаю, возвращаюсь, работать хочется. Нас, актеров, часто ругают: беремся за все подряд. А чего мне, например, ждать? Разве мне каждый день предлагают сыграть царя Федора, Лира, Протасова? Если я буду сидеть и ждать, всю жизнь можно просидеть...

Да, про славу искусства... Говорят: искусство учит. Едва ли. Во всяком случае глагол «учить», мне кажется, тут не совсем годится. Учить можно чему-то, какому-то делу, какой-то профессии. И для этого есть специальные учебные заведения. Нет, не учит, но внедряется в любой род человеческой деятельности, потому что в каждом труде участвуют не только мысль, разум, но и дух человека, его эмоции. Так вот искусство, мне кажется, — это то, что не дает уснуть эмоциям, живой человеческой душе. И не только в труде, но и вообще в жизни.

Помню, несколько лет назад, вскоре после фильма «Странные взрослые», где мой герой удочерил девочку Тоню из детского дома, получаю письмо из Пензы — от женщины, у которой растет дочь, ровесница Тони. Девочка, видимо, трудная, растить ее без отца сложно. Женщина спрашивала, что ей делать, дочь совсем отбилась от рук, стала почти чужой. Что я мог ответить, какой дать совет? Да и имею ли я на это право? Но женщина обратилась ко мне, актеру. Значит, искусство — в данном случае фильм — внедрилось в ее жизнь настолько, что она поверила в возможность что-то изменить в своей судьбе, в своей не очень веселой повседневности.

ИСКУССТВО — не только красота, величие. Это еще и страдание. К человеческому горю, к потере. Или так, более общо: безразличие к человеческим судьбам. Настоящее искусство всегда оставляет след в человеческой душе. И сердце человеческое бьется неровно...

Я себя мальчишкой вспоминаю: хулиганистым был, шпанистым. Но вот пришел однажды во Дворец пионеров, стал репетировать и играть в драмкружке — и куда что подевалось? Заволновался, понял, что приобщился к дорогому, к тому, что на всю жизнь. Изменился...

КАКОЙ фантастический прогресс в науке! За каких-нибудь двести лет — от двигателя Ползунова до космических путешествий!

А что же театр? Не уверен, что современный театр сильнее театра Софокла или Шекспира. Из истории мы знаем: театр Софокла был рассчитан на тысячи зрителей... И еще: духовная жизнь человека меняется, растет, а искусство театра неизменно. То есть если и меняется, то в лучшем случае по замкнутой кривой. Каждый раз — возвращение на круги своя. Вот возникают авангардистские театры, какое-то время выступают успешно. Глядишь — умерли, нет их. Небольшая вспышка — и вновь к реализму. Почему? Видимо, потому что в основе, в центре внимания театра — человек, его мысли, чувства. Чувства! А иначе зачем тогда мы — актеры? Видимо, все-таки реализм — то естественное, к чему театр вместе с человеком, со зрителем всегда будет возвращаться.

Вот цитата из Белинского. Наизусть помню. Простые, но точные слова. «Долее всех живут такие произведения искусства, которые во всей полноте и во всей силе передают то, что было самого истинного, самого существенного и самого характеристического в эпохе».

Я работаю в театре на Малой Бронной, и мне кажется, что любой из спектаклей Эфроса, какого

бы автора ни ставил Анатолий Васильевич, всегда находит живой отклик у зрителей, потому что всегда — про то, что болит в каждом из нас. Иными словами, в спектаклях Эфроса всегда дышит сегодняшний день. Поэтому не только мне, но и многим моим коллегам интересно работать с этим режиссером, играть в его спектаклях. Что до меня, то всем, что есть у актера и человека по фамилии Дуров, чему он научился в театре, постиг и успел сделать, — всем этим обязан я Анатолию Васильевичу Эфросу.

ТЕАТР неизменен, но как творческий коллектив через 10—12 лет он, как правило, исчерпывает себя, свои художественные

драма. Драма, преследующая актера всю его жизнь. И только сильные, великие личности в театре способны справиться с ней. Актер Михаил Чехов — пример такой великой личности. Мы не можем представить Чехова без Станиславского, но в то же время он велик в своей самостоятельности художника.

У КАЖДОГО актера должна быть своя тема. И амплуа. Сколько бы там ни говорили, что понятие «амплуа» ушло из жизни театра и кино, это не так. Иначе Визин пробовал бы себя на Бориса Годунова или короля Лира (да простит меня Георгий Михайлович!). И я не Гамлет. И, слава богу, понимаю это. Понимаю свои возмож-

МОНОЛОГ О МАСТЕРСТВЕ

Вначале редакция предполагала опубликовать интервью с популярным артистом театра и кино Львом Константиновичем Дуровым, заслуженным артистом РСФСР. Именно с этой целью наш корреспондент Л. Днепровский встретился с актером. Но получилось не интервью, а монолог артиста, который мы и предлагаем вниманию читателя.

Лев ДУРОВ:

ТРЕВОГИ СЕРДЦА И УМА

ресурсы. И если не сделать какой-то сильный, резкий творческий зигзаг, театр станет традиционным. Тому примеров можно привести много. Нет, зритель не перестанет ходить в такой театр, какое-то время срабатывает инерция, но это не надолго.

Когда-то Эфрос начинал с того, что добивался абсолютной подлинности жизни на сцене. Я вспоминаю его спектакли в театре имени Ленинского комсомола, первые спектакли на Малой Бронной. Потом был поворот к яркой театральности — Эфрос обратился к Булгакову. Сейчас Анатолий Васильевич ставит Чехова «Три сестры» — и вновь добивается подлинного реализма. Что это, режиссерская причуда? Ни в коем случае. Это умение точно почувствовать момент, когда театр начинает «замерзать», умение угадать время, когда совершенно необходим театральному организму импульс. Но так или иначе, каким бы ни был этот импульс, яркая ли театральность или какая-то иная форма, театр всегда возвращается на круги своя, к тому, что непобедимо в нем, — Правде и Зрелищу.

ПРОБЛЕМЫ? У нас, актеров, их много — полностью осознать их... Мы, актеры, третичны. Над нами — драматург и режиссер, художники часто совершенно разные, каждый со своим очень индивидуальным видением жизни, пониманием ее. И меж двух «огней» — мы, актеры. Проблема — в этой третичности остаться самостоятельным, самобытным, не наступить на горло собственному таланту, собственной индивидуальности.

Третичность свою, давящую тебя зависимость ощущаешь больше всего тогда, когда существует противоречие между драматургом, режиссером и актером. Но если то, о чем написал драматург, — про нас, а ты и режиссер нашли общий язык и с драматургом, и между собой, стали единомышленниками и стремитесь высечь одну и ту же искру, то едва ли можно говорить об актерской третичности. Тогда ты — соавтор, сотворец.

Ощущение своей третичности —

ности и место. Место! Надо только свое место сделать более сложным. Я не Гамлет, но! Но про Гамлета можно сыграть. Свою тему можно сыграть в любой роли.

Издавна меня раздражает словосочетание «маленький человек». Почему маленький? Ведь — человек! Высшее создание природы! И, родившись однажды, с годами утвердился, окрепла моя тема — протест против этой нелепой формулировки. Конечно, обстоятельства иногда заставляют человека быть маленьким. Слабого человека. Но если он ощутит в себе высшее предназначение — такой человек не будет маленьким. Он станет сильнее обстоятельств.

Лучшей своей ролью в театре считаю штабс-капитана Снегирева в «Брате Алеше». Может, не по исполнению, но по возможности выразить этот протест против унижения так называемого маленького человека.

У СОБСТВЕННОГО таланта в вечном долгу?

Не знаю. Достаточно ли я талантлив, чтобы размышлять на эту тему? Как только актер говорит, что он мастер, другие вправе говорить о нем в прошедшем времени.

С годами талант обрывает ракушками. Часто пользуемся тем, что уже есть, эксплуатируем талант, не подкармливая его впрок какими-то новыми наблюдениями, открытиями в жизни. Разучиваемся удивляться...

Может, вечный долг перед собственным талантом — это и есть импульс к работе ума и сердца впрок, чтоб не дать иссякнуть чему-то главному в себе. Как в актере, человеке, гражданине.

Театр — это ведь обман.

В чем же феномен театра? Все знают, что это неправда, и все верят. Верят, потому что ты актер, лихо обманываешь. Между прочим, не вспотеешь — не обманешь. Не люблю, когда со сцены актеры уходят сухими...

И напоследок — парадокс. Который возможен только в театре: если ты способен пережить на сцене горе, ты... счастлив.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ. Публикуя сегодня материал Льва Дурова, редакция открывает на полосе «Литература и искусство» новую рубрику — «Монолог о мастерстве». Под этой рубрикой мы предполагаем печатать размышления ведущих мастеров советской культуры о роли литературы, театра и кино в жизни общества, о проблемах творчества. В связи с этим мы приглашаем читателей высказать газете свои пожелания — кого из мастеров культуры они хотели бы встретить на этой странице газеты, чьи монологи услышать. Ждем ваших писем.